

Марина Горина

*Уфринские
хроники
черной вороны*

Марина Горина

**Уфринские хроники
черной вороны**

«Издательские решения»

Горина М.

Уфринские хроники черной вороны / М. Горина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833333-0

В обычной жизни необычного больше, чем в фантастических романах с самыми закрученными сюжетами! Остановитесь, оглянитесь: ваш начальник может оказаться настоящим драконом с когтями и чешуей, ваша подруга, оказывается, скрывает под футболкой крылья метра три размахом... а если у вас никак не складывается личная жизнь — может, пора встретить фею на рынке или завести наглого рыжего кота? Все это и многое, многое другое есть в увлекательных повестях и рассказах М. Гориной.

ISBN 978-5-44-833333-0

© Горина М.
© Издательские решения

Содержание

Ночная жизнь	6
Сутки из жизни владельца стройхолдинга дракона Василия Нестерова	10
Новогодняя сказка для копирайтера средних лет	12
Хроники Свободного Человека	17
Побег	22
Семь котов, четыре кошки новогодний экшн	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Уфринские хроники черной вороны

Марина Горина

© Марина Горина, 2016

ISBN 978-5-4483-3333-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночная жизнь

– 1 –

Отец называл Аннушку – Ануш, «сладостная» по-армянски; мама-белоруска – Анечка, Аннюня. Русский муж – Аннета. Странное, полубогемное «Аннета» было полной противоположностью Ануш-Аннюне. Она была невысокой, толстенькой, со светлыми кудряшками, торчащими во все стороны и жгучими, огромными, вишнево-черными глазами. Ну, и скажите, какая Аннета может быть 159 см ростом? Кругленькой, с маленькими пухлыми ручками? Имя «Аннета», как минимум, предполагало мундштук с сигаретой в длинных худых пальцах, роковой взгляд, черный корсет. Куда там... в Анютином девичьем комодке ни разу не лежало даже обычных стрингов: одно добротное, хлопковое, милое ее сердцу удобное белье. И ни одного комплекта для «роковой» Аннеты...

Но вишневые глаза, слишком безупречной формы, слишком темные, чтобы быть прозрачными и понятными «до доньшка», не вязались с простушкой-Аннюней. Так что в шутилке имени, данном мужем, наверное, что-то было. Да уж, кто-нибудь из вас знает женщину без парочки – другой тайн? Если да – значит, вы ровным счетом ничего не знаете о женщинах и о жизни вообще.

Анечка окончила институт вместе с мужем (поженились они на четвертом курсе). У нее был красный диплом. Который она получила легко, играючи, параллельно помогая учиться мужу. Вот на его красный диплом она положила все силы. И о дипломе мужа говорила много, с восхищением и уважением. Супруга Анечки пригласили работать на большой нефтеперерабатывающий завод в другой город. На приличную должность с еще более приличными перспективами.

Предложение остаться на кафедре, которое получила Анечка, в ее глазах блекло и не шло ни в какое сравнение с будущей карьерой мужа. Его друзья говорили – «да, Толян, повезло тебе с женой...» – уминая вкуснейшие кутабы, долму или кяту.

За что бы ни бралась Анечка: выпечку, мясо или рыбу по рецептам бабушки-армянки, все получалось изумительно вкусно. Диетами Анечка не заморачивалась, хотя страшно страдала из-за своей «пампушечности». Никогда не курила и не пила. Единственная вечеринка в общегитии с сигаретами и вином кончилась для Анечки трагически – трое суток ее рвало, голова раскалывалась, руки и ноги тряслись, как желе. И Анечка решила – черт с ним, с имиджем раскованной и современной девушки, если за него ТАК надо расплачиваться! Оказалось, что быть «приличной девушкой из порядочной армянской семьи» (как говорили ее тетки по отцу), круглой отличницей и «гордостью потока» – в тысячи раз приятнее и удобнее!

На свадьбу армянские родственницы привезли устрашающих размеров коробки и тюки. В них были роскошные, потрясающей красоты столовые и чайные сервизы, которым было, наверное, лет по сто. Льняные салфетки, скатерти, постельное белье. Стеганные вручную мастерицами из Гориса одеяла и тюфяки из овечьей шерсти. Которую стирали руками, сушили на солнышке, а потом руками же чесали. Анечка была в ужасе!

Потом тетки повздыхали, посовещались, и подарили Анечке бриллиантовые серьги, кольцо и колъе – так как жених Анечки не собирался этого делать. Он даже не догадывался, что был обязан сделать, сватая «приличную девушку из порядочной армянской семьи». Это – чтобы не опозорится перед родственниками, сказали тетки. Слава Богу, что Толик даже и не понял всех перипетий и не знал всех подводных камней женитьбы на Анечке!

Через пару месяцев, когда Анечка с мужем уехали в далекий, маленький город, где Анатолию предстояло делать карьеру, Анечкин троюродный брат-дальнобойщик доставил проездом все эти сокровища. Самое удивительное, теперь не было ничего ужасного в прохладных льняных простынях, легких, как пух, пахнущих солнцем и ромашкой шерстяных одеялах,

в мельхиоровых столовых приборах, серебряной турке, красивом хрустальном графине под чачу (которую тоже привез брат).

Анечка много думала о мудрости своих бабушек, прабабушек и пра-пра-бабушек. Ее Толечка бегом бежал с работы к своей сладостной Ануш. Под теплое одеяло, к вкусному жаркому на красивой, тяжелой тарелке, рядом с которой лежали полотняные салфетки. А утром, после кяты с изумительным кофе, помолотым на ручной мельнице, в отутюженной рубашке, с чувством необыкновенной свежести и чистоты, бурлящей энергии, мчался на работу.

Анечка не работала – она была беременной, да и Толик не хотел. Бывшие однокурсницы Анечки были в шоке:

– Клушка, клушка, он подмял тебя под себя! У тебя такая же голова была! – кудахтали они все, как одна! Но Анечка знала: это они клуши. И почему это «голова у нее была»? Вот она, в светлых кудряшках, на месте!

Жили они интересно, обсуждая рабочие проблемы Толика и каждый взгляд, каждый вздох ненаглядного сыночка Артурчика. Карьера Толика складывалась замечательно, а Артурчик рос здоровеньким и умненьким. Иначе и быть не могло у такой жены и матери, как Анечка. Зарплата у мужа была отличной, поговаривали о его возможном переводе в головной офис, в саму Москву. Многочисленная армянская родня была довольна и горда зятем, но все были уверены: это Ануш, девушка из приличной армянской семьи – вот настоящая причина его успеха! И кто знает, может быть, они были правы?

А вот теперь, наверное, самое время рассказать о страшной тайне Аннеты. И к чему привела эта страшная тайна. Дело в том, что Ануш, Аннюня, была... инопланетянкой. Самой настоящей. Как и ее сын Артур.

– 2-

В отрочестве Анечка, очень умная не по годам девочка, прочла интересную статью. Как один профессор собрал рюкзаки с едой, лекарствами, книгами, батареями и лампочками. И спустился глубоко под землю, в карстовые пещеры. На целых не то шесть, не то шестнадцать месяцев. Он все взял с собой: рацию, специальные приборы для каких-то исследований, даже набор красок – красить яйца на Пасху. Не было у него только одной вещи – часов. Это было необходимым условием эксперимента. Команда, которая вела наблюдения и была все время на связи, не имела права никаким образом намекнуть на реальное время земных суток.

Результаты опыта были странными, ошеломительными, поражающими воображение и дающими пищу для далеко идущих выводов. Выводы эти могли завести так далеко, что результаты эксперимента как-то быстро замяли и забыли.

Так вот, дело было в том, что по истечению положенного срока сподвижники спустились сообщить профессору, что эксперимент окончен. Удивлению профессора не было предела – по его внутреннему календарю и часам количество суток, проведенных под землей, было в два с лишним раза меньше!

То есть, в его сутках было больше 48 часов... какая генетическая память вспомнила ТАКИЕ сутки? Вокруг какого солнца вращалась забытая планета-прародина за такой период времени? Откуда мы все?

Ах, как тяжело многим, очень многим, мириться с циклом из 24-х часов! Анечка росла благоразумным ребенком, и любила поразмышлять на всякие заумные темы. Она решила – все сложнее, чем кажется. Наверное, Землю населяют жители сразу нескольких планет. Отсюда – жаворонки, совы, и те, кто прекрасно уживается в обычных сутках. Эти уж точно произошли на Земле.

Анечка любила ночь. Ночью все звуки и запахи преображались. День – это неизбежная необходимость, которую она просто терпела. Только ночью она могла дышать полной грудью, только в тишине спящего города она просыпалась. Кровь быстрее бежала по ее жилам, мозг работал странным, удивительным образом. Она могла видеть все иначе, понимать глубже,

чувствовать сильнее. Сыночек, Артурчик, еще не выдрессированный условностями Земной жизни, тоже жил в полном соответствии со своей генетической памятью. Анечка его прекрасно понимала. Что поделаешь, если память далеких предков с другой планеты диктовала им другой ритм жизни, совсем не Земной...

Утром, проводив мужа, Анечка складывала белье в стиралку и укладывалась вместе с Артурчиком спать. Часов до трех, четырех дня. Они просыпались и шли в магазин, покупали продукты и заодно гуляли. Потом встречали папу. Проводили вместе вечер. Ночью Анечка пекла, убирала дом, жарила и тушила. Под утро складывала кастрюли-сковородки в холодильник и варила кофе. Будила мужа, провожала на работу. И все опять повторялось.

Окно кухни, «ночного кабинета» Анечки, выходило во двор. Она знала наизусть звуки ночной жизни. Как ветер гоняет по асфальту пустую баклажку. Как бездомные собаки потрошат мусорные баки. Она гладила рубашки, на плите что-то булькало. Артурчик сидел в высоком креслице, переговаривался с мамой:

– А!

– Да, цаватанем, сейчас доглажу и возьму тебя на ручки – отвечала Анечка.

– АААААА! Гу! – радовался сын.

– Заткнись, урод! Змееныш, выблядок, не ной! – нечеловеческий голос прокаркал во дворе.

Анечка остолбенела, окаменела, чуть утюг не выронила с рук. Такой ужасный, без интонаций голос произносил мерзкие слова! Анечка выглянула в окно: возле мусорных баков стояла бомжиха, похожая на сливу на коротких ножках. Голова без шеи у нее тоже была как слива. Желтый, яркий и ровный свет фонаря освещал площадку с контейнерами. Слива рылась в мусоре. Под ногами у нее, в тени бака, возле сумки, копошилась небольшая серая тень. Не то собака, не то... ребенок!!! Анечка не могла выдохнуть огненный воздух, грудь распирало. Слива палкой с крючком, которым рылась в отбросах, отпихнула ребенка от сумки:

– Не жри, гаденыш! Урод! – Анечка метнулась к двери, оглянулась на сына. Вернулась, схватила Артурчика и бегом побежала в спальню, уложила его в кроватку, рядом со спящим мужем. Артурчик, перепуганный, молчал. В шлепках и тонком халате птицей слетела со второго этажа.

Во дворе было пусто – не успела...

Утром Анатолий спросил:

– Аня, что с тобой? Что-то случилось? – и это «Аня» – выражало крайнюю степень тревоги. Они видели друг друга насквозь, они дышали в одном ритме, эти муж и жена. С первого и до последнего дня их жизни. И понимали все они одинаково, и решения принимали тоже одинаковые. Вернее, не два одинаковых решения – а одно на двоих. Был составлен план действий. Анечка, гуляя днем с сыном, должна была поспрашивать, не знает ли кто такой женщины, и где она живет. Анатолий, после работы, решил зайти к соседу, Петровичу. Майору милиции. Должны же быть социальные службы защиты детей от таких уродов. И уголовную ответственность такие нелюди должны нести!

Поиски не дали ничего. Никто даже не слышал о бомжихе, роющейся по ночам в мусорных баках.

Городок был небольшой, выросший из рабочего поселка. Частного сектора в нем практически не было; странно, необъяснимо все это было – чтобы никто не знал Сливу? Или это было только жуткий ночной кошмар? Анечка вспоминала снова и снова; болезненная заноза сидела у нее в мозгу. Не давала покоя. Уродливая фигура, каркающий голос. Станные, нелепые движения. Леденящий ужас, какой обычно сопровождает кошмарные сны. Что-то неуловимо напоминало ей эту нереальную, жуткую сцену у мусорных баков. Анечка вспомнила: Капричос Гойи! Достала альбом, вот оно: «Когда рассветет, мы уйдем».

Анечка загрустила. Толик не мог понять, что с ней. Только чувствовал, что все очень, очень не просто. А она не могла рассказать ему, что уже сама сомневается, ЧТО видела тогда, ночью! Ну, как сказать – я инопланетянка и могу видеть то, что другие НЕ ВИДЯТ? Что полуночный призрак Гойи приходил к ней? Время шло, Слива больше не приходила.

Через четыре месяца, день в день, они пришли. Слива и мальчик. Артурчик уже начал привыкать к жизни на Земле, и сладко спал в три часа ночи. Анечка на кухне сидела одна и проверяла расчеты мужа по крекинг-процессу. Он готовил докладную записку, где обосновал необходимость реконструкции одной установки.

Опять тарактение палки с крючком по стенкам бака. Опять чудовище изрыгало отвратные слова. Только фигурка ребенка, казалось, стала еще меньше. Анечка не успела подумать, она боялась еще раз упустить их – с пылающими щеками и горящими глазами вылетела во двор.

– Молчи, молчи, молчи! Дура, уродка, молчи! – Анечка бежала, вытянув вперед руки.

Толстое чудовище медленно развернулось и стало замахиваться палкой с острым, блестящим крючком. Анечка, не тормозя, со всего разгона, толкнула тушу. Туша боком упала, зацепившись сливой-головой об угол контейнера. Кровь на асфальте была почти черной под желтым светом фонаря. Серенькая маленькая тень, почти бесплотная, стояла, опустив ручки. Анечка схватила это бестелесное, глазастое нечто. Крепко-крепко прижала к себе и тигриными скачками понеслась домой. В прихожей столкнулась с Толиком. Не выпуская добычу из рук, сказала:

– Она там лежит. Я убила ее.

– Закрой дверь, никуда не выходи, отключи телефон, жди! – Толик на ходу натягивал куртку, захлопнул дверь. Анечка, крепко прижав невесомое, замершее тельце, зашла в ванную, открыла кран. Прошла в спальню – Артурчик спал. Потом на кухню, за булками и котлетами. Она купала ребенка и прямо в ванне кормила его. Он не разговаривал, но Анечке было все, все понятно. Толик вернулся часов в десять утра. Вместе с Петровичем. Анечка с двумя детьми крепко спала, как будто не с ней случилось СТРАШНОЕ. Проснулась она от звона посуды и тихих мужских голосов. Петрович и Толя пили чачу, закусывали портулаком и острыми баклажанами. Никакого тела во дворе они не нашли. В милицейских сводках не было ни одной зацепки. Ни в больницах, ни в моргах. Петрович сказал сидеть тихо и не высовываться. Если Слива объявится – сразу сообщить ему. Анечка знала – не объявится. Капричос. «Когда рассветет, мы уйдем»...

В семье выросло два сына. Старший, Григорий, был похож на отца. Голубоглазый, светловолосый, сдержано-улыбчивый и такой же умный, как папа – так говорили все. Артур, младший, был похож на своего деда, Арама Рубеновича. Умный, как папа, и такой же шумновеселый, как мама. Старший закончил Губкинский институт и пошел в науку, младший – в академию МВД. По стопам ненаглядного, любимого крестного, Петровича. Который был членом семьи, роднее родного. Страшная тайна, или светлое чудо – уже и не разберешь, что было – объединило этих людей навсегда.

Сутки из жизни владельца стройхолдинга дракона Василия Нестерова

ВЕЧЕР, КВАРТИРА МЕЛИССЫ

Я знал, что сейчас будет. Еще бы, мы с ней знакомы столько лет! Жаль, в последние годы Мелиссу испортили глянцевого журналы. Иногда она просто невыносима: смесь пошлости, цинизма и скуки. Уныло и безвкусно. А еще Принцесса.

– Котик, мур, иди к своей киске!

Меня тошнило от фальшивой игривости. Спасло зеркало за ее спиной. Я сфокусировал взгляд на отражении крепких ягодичек, обтянутых атласными шортиками пижамки. Мелисса, о, Мелисса, вечная подруга по несчастью, верная и вероломная...

– Ну иди же к своей принцессе, зверь! Мое фиолетовое чудовище, неистовое животное! З/р>

И я пошел. И заключил ее в свои когти, стараясь не разорвать атлас. Ибо да. Это животное – я!

НОЧЬ

Я пробудился за тридцать секунд до звонка Куратора. Вышел на балкон, посмотрел с высоты восьмого этажа на круглую, жирную луну и нажал кнопку одновременно с телефонной трелью. Не хотел будить храпящую Мелиссу.

– Нестеров, полнолуние. Ты у Мелиссы, что ли? Опять спасаешь Принцессу? – Куратор игриво хохотнул. – Просыпайся. В Быстровском парке злодеи-маньяки шалят.

– И что?

– Ну, как всегда. Огнем там плюнь, крыльями хлопни. Маленький, что ли? Пугани, разгони и все, свободен.

Когда-то он называл себя Рыцарем. В блистающих латах, с мечом наперевес спасал человечество вместе со мной. А нынче холод и дряхлость сердца оправдывает тем, что современному миру не нужны доблесть и честь. Увы, он прав. Сейчас срабатывает только реликтовая педагогика или лазерное оружие. И то не всегда.

Я вздохнул полной грудью, выпустил крылья, пару раз хлопнул, чтобы расправить кожаные складки. Смахнул с перил горшок с геранью. Ладно, спишем на кота. Тащиться на крышу было лень, и я прыгнул с балкона. На первом крутом вираже упруго вывалился хвост с зазубринами, отливающими фиолетовым в свете луны. С хвостом лететь было приятнее: внушительнее, и рулить удобно. Маленько похулиганил (все от смертной скуки): защитный экран-невидимку включил только через секунду полета.

УТРО, ПЯТИМИНУТКА В ОФИСЕ

– При заливке фундамента нарушена технология, не выдержаны размеры, – с заумным видом вещал руководитель проекта. А я слушал и злился. Самоуверенные неумехи! Их предки строили прекрасные замки и башни выше облаков. С моей помощью, конечно, когда я мог открыто летать в солнечном ветре, в голубых небесах. В тех замках века напролет спали спящие красавицы, и никакой усадки фундамента в помине не было!

– Сейчас шеф огнем плевать начнет. Дракон долбаный! – шепнула Инга Львовна, начальник ПТО. Это она про меня. Глупая, даже не догадывается, как права. Я попытался втянуть когти на ногах. Когда психую, не могу удержаться. Сколько кожаных ботинок попортил за последнее тысячелетие!

ДЕНЬ

Я сидел в камере вахтерши Клавдии Булатовны. Кикимора болотная все знала про лекарства и зелья, но меня пользовала только зеленкой. Дракони́й метаболизм не признает другого снадобья.

– Васенька, в парке ночью ты порядки наводил? Компрессик согревающий на хвост поставить?

– Холод наших сердец компрессом на хвосте не согреть. Устал я.

– Впервой, что ли? Самоуничтожиться решил, Василиск?

Я, старый Дракон, не стал объяснять Кикиморе, что не вижу смысла продолжать фальшивые игры, что всем нам: Кикиморам, Принцессам, Драконам, Русалкам, Рыцарям – пора самоуничтожиться. Зачем мы все, если человечество обходится без нас, довольствуясь прогрессом и глянцевыми журналами?

ВЕЧЕР, СТОЯНКА СУПЕРМАРКЕТА

– Дяденька, у вас дома тигр живет? Или другое животное? – пацаненок лет шести высунулся из окошка припаркованного авто и сосредоточенно наблюдал за моими попытками запихнуть блок говядины в багажник. Люблю детей! С ними приятно разговаривать: никакого вранья и полное взаимопонимание.

– Нет, это животное – я. Сам мясо съем. Мне много надо после полетов. Я дракон. Летаю и плююсь огнем.

– ДРАКОН?! – ребенок вывалился по пояс и вытаращил глаза.

Я оглянулся: открытая крышка багажника с одной стороны, Крузер с тонированными стеклами – с другой. Нагнулся ниже, чтобы пацаненку было лучше видно; не вынимая рук из багажника, выпустил когти и чуть дыхнул пламенем. Самую малость.

– Я всегда знал, что драконы есть... – глаза пацаненка сияли. – И рыцари есть, и принцессы! Вы побольше мяса ешьте, и витамины. Вы себя берегите, дракон – мой собеседник вдруг засмутился и спрятался в салоне. Потом опять высунулся:

– Если вы ослабнете, кто будет совершать подвиги?

И тут я понял, что самоуничтожение необходимо отложить.

Как всегда, жалкая человеческая личинка спасла всесильного Дракона, вдохнув в него силу и жажду жизни. Слава мудрым Богам! Во всей Вселенной никто лучше этих слабых, бесполезных людей не смог бы защитить и сохранить могучих Драконов – своей глупой жадой подвигов и жалкой верой в чудо.

Куратор выключил экран наблюдения, остановив яблочко на голубом блюдечке. И подумал в миллионный раз: как же были правы Боги, поселив на одной планете могучих Драконов и слабых Людей. Хотя вопрос о слабости и силе в данном случае спорный.

Новогодняя сказка для копирайтера средних лет

— 1 —

Хорошо быть дервишем. Худым, бездомным и загадочным. Знать все и про всех. Бродить свободным, где захочется. Питаться сухим виноградом, пением птиц и солнечным светом. Мужья дервишей не бросают с маленькими детьми на руках. На вебмани кошельки у них не пропадают, вместе с отложенными на праздники баксами. Да что там, перевод книги в издательство во время сдавать не надо, и кашу для псов варить – тоже не надо. Дуся замерла с тазиком сухого собачьего корма в руках, прижатым к груди. И думала всякие невеселые мысли. Хотя – уже легче! Минут пять назад перспектив не было вообще, кроме как рыдать долго и сладко, так, чтобы нос распух, а глаза стали как щелочки. А сейчас выход наметился – уйти в дервиши, и стать свободной, как птица.

Как-никак – оказывается, варианты есть, даже в ее безнадежной ситуации. Точно – подалась бы в дервиши, плюнула на дом, сад и работу. Никому, голубушка, не нужна. Ни бывшему мужу, ни взрослым детям. Два кавказца, Джеки и Чан, перестали прыгать, сидели неподвижно, смотрели на Дусю, не отрываясь. Чудит хозяйка, третий день не варит овсянку с вкусными мясными обрезочками, от самой вообще никакой едой не пахнет, и глаза нехорошие. Так серьезно смотрели псы на Дусю, будто почувствовали, что обдумывает планы побега и предательства хозяйка. Замерли, как два мохнатых монумента, хвосты лежат неподвижными серпами на снегу.

– Да не брошу я вас, звери. Лопайте свой корм и пойдем домой спать, мороз на улице...

Дусе показалось, что псы с облегчением вздохнули, стукаясь лбами, захрустели сухариками в тазу. Потом по очереди подбегали к ней, подсовывали головы и спины под ладони. Выпускали клубы пара в морозном ночном воздухе, носились по снегу, домой ночевать по причине снега и южного, слабого морозца отказались наотрез – красота во дворе и саду была!

В легендарные девяностые Дуся потеряла работу. Как и многие тогда. Муж ушел, бросил ее с близнецами – не выдержал. И начала Дуся искать возможность заработать на дому. Чем только не занималась. Когда мальчишки учились в старших классах, залезла в долги, но купила им компьютер. Между прочим, на ходу, освоила технику и сама. Потом втянулась, и уже восьмой год, не разгибая спины, по 10—16 часов сидит за компьютером. Начала играючи, писала посты на форумах за копейки, потом рекламные тексты за рубли, потом пошли заказы на бесконечные переписывания чужих отвратительных переводов. Надо было учить близнецов в институте, и Дуся писала, писала, писала...

Сложная система посредников, через которую работала Дуся, не давала возможности даже узнать, где и под каким именем появились ее «произведения». И чего только она не написала! Про трусики Бритни Спирс и скандалы из великосветской хроники. О, тут Дуся развлекалась, как могла! Одно и то же могла написать совершенно по-разному! Играла словами, хулиганила, и слова слушались ее.

Потом посчастливилось – наткнулась на дорогой для ее нищеватой жизни заказ. Стала писать и считать курсовые по процессам и аппаратам. Потом – отредактировала два огромных технических перевода «Алкилирование бензола» и что-то про насадки в ректификационных колоннах. Правила и ругалась, зачем берутся за переводы люди, которые вообще ничего не понимают в химии нефти и в нефтехимпереработке.

Вот так, совершенно неожиданным образом пригodiлось Дусеньке ее образование, Губкинский институт. Керосинка в народе. Перевела с английского «Крекинг-процесс алканов». И пошло-поехало. Про стройку и про любовь, рекламы и инструкции. Процессы и аппараты, курсовые и переводы. Конечно, пыталась брать что подороже, но никогда не торговалась и условий не ставила. И мчалась жизнь мимо, Дуся не видела и не замечала дней и ночей, часов и минут. А вообще, была ли она, жизнь? Сыновья-близняшки защитились весной и сейчас в Питере. Так что столько работать Дусе уже было не надо. Мальчишки начали зарабатывать. С неукротимой энергией воюют за свое место под солнцем. Да, такой хватки и предприимчивости во времена Дусиной молодости не было. Такое даже считалась неприличным.

Но оказалось, что от этого Дусе еще хуже – она просто не знала, куда теперь себя девать, и продолжала работать по 18 часов в сутки. Уже не от безденежья, а от полного одиночества и неприкаянности. Мальчишек на Новый Год даже и не ждала – ребятам надо много работать, а даже если и есть время у них – что ж, дело молодое. Своя жизнь.

Вот такая у Дуси оказалась компания 30 декабря вечером – компьютер и перевод. Да еще переписка с вебмани. По поводу пропавших кошельков. Просидела за компьютером часов до пяти утра, пока сердце не начало колотиться в груди, а голова – раскалываться. Чтобы уже точно не думать, ни о чем не думать, потому, что так страшно, – кажется совсем край, и никому не нужна, и жить больше незачем!!! В постель как в пропасть упала, с одной мыслью – завтра псам наварить каши, обязательно...

– 2-

День смотрел в окно с явной укоризной. Дуся лежала в постели с тяжелой головой и мыслью – надо быстро кормить псов. В ушах что-то посвистывало и позвякивало. Конец, подумала Дусенька. От одиночества точно глюки пошли. И мухоморов не надо, интернета достаточно. Как-то вдруг окончательно проснулась и сразу поняла – не глюки, нет, в соседней комнате кто-то реально пилит мебель, а на кухне, наверное, складывает в большие сумки посуду. Грабеж. Сунула ноги в тапки и выскочила из спальни. В большой комнате на угловом диване лежал и громко храпел огромный золотоволосый красавец. С абсолютно детским лицом. Храпел так, что бензопила Дружба отдыхала. Королевич Елисей, сыночек, Алешенька. Приехал. Из Питера. Ясно, на кухне посудой гремит второй принц датский – сын Михаил. Парочка неразлучных.

На большой Дусиной кухне рыжеволосая девчонка в розовой майке и зеленых блестящих шортах месила тесто. Маленький кружевной фартук пышным бантом завязан на спине. На кресле возле компьютера сидел, скрючившись, здоровенный небритый мужик со злым и скучным лицом. Смотрел с тоской в окно. Глюки. Все. Доработалась! Коровьев и компания. С Гелой они здесь. Щас Бегемот припрется. А спящий сын – это тоже глюк. Входная дверь распахнулась, на пороге появился... нет, не Бегемот. Сын Михаил.

– Ну, муся, ты даешь! Дом можно весь вынести, как спишь! И псы голодные! Чуть меня не съели пока кормил! Мусечка, дай я тебя пообнимаю как следует! Мы с Лешкой приехали на своей машине в семь утра, Джеки и Чан все про тебя рассказали! Мать, у тебя модем уже оплавился. По 48 часов сидишь за компом. Сын сиял глазами, успевал обнимать Дусю, раздеваться и переглядываться с рыжеволосой Гелочкой. И все одновременно – и стул Дусе, и чашку с чаем, и опять тревожный взгляд на мать и заговорщицкий – на Гелу. Ма, знакомься – Галина. Ха, а я почти угадала, – подумала Дуся. Гела – Гала.

– Лешкина подружка, – пробасил сыночек. Девушка ничуть не смущаясь сказала: очпрятнобылкомица и подвинула Дусе тарелку с пирожками. Почти все встало на место, остался только Коровьев. Джинсы приличные – заклепки в виде черепов, Дуся про такие писала, дорогие – не то слово. Парфюм тоже не из дешевых. Выражение лица – мда. Дорогостоящий. Брезгливо-брюзгливое. Явно не из компании Лешки-Мишки и Гелочки. Все-таки Коровьев, решила Дуся.

– Разрешите представиться, – сказал Коровьев. Волков Сергей Семенович. Сотрудник издательства ХХХ. Ваши сыновья любезно позволили мне подождать Вашего... пробуждения. С Вашего позволения, хотел задать несколько вопросов. Вы – Дарья Аркадьевна Новикова? – с каждым словом тон становился у Сергея Семеновича тоскливей, глаза он отводил куда-то в окно, слова почти цедил сквозь зубы. Дусе стало как-то нехорошо.

– Да, я, – ответила Дуся севшим голосом.

– Скажите, перевод книги с английского «Каталитический риформинг» – ваш? Черт, это или какой-то надзор за соблюдением авторских прав или налоговая, – пронеслось в голове у Дуси: «Лучше не врать. Будь что будет».

– Да, моя.

– А вы можете это доказать?

– Почему я должна доказывать вам что-то? Надо вам, вот вы и доказывайте. Достаточно того, что я признаю – да, это моя работа.

Глаза у Коровьева оживились, он перестал коситься в окно, посмотрел прямо на Дусю, и ей стало неловко. Халат, из-под него ночная рубашка, не расчесанная, бледная и неумытая. Да, в конце концов, я его сюда не звала – разозлилась Дуся.

– Тогда не были бы Вы так любезны, не посмотрели эти книги. И Коровьев вывалил на стол перед монитором две стопки книг. Дуся листала. Что-то забытое вспомнилось, несколько были как старые друзья. За эротический триллер было неловко, – но – что было, то было. Правда, Дуся, как могла, сгладила острые моменты, придела обнаженных героев и в паре эпизодов дверь в спальню оставила закрытой. Кое-где уточнила характеры. Но суть – то осталась – эротический триллер. Мерзкий текст был, кстати. Долго пришлось возиться. Технические переводы давались легче. Там слова текли, и Дуся только записывал их. Коровьев оживился окончательно, заволновался. Ну, все. Изловил меня, преступницу. Радует. Две книги Дуся отложила в сторону:

– Не мое.

– И все-таки, не могли бы вы привести, ну, какие-нибудь доказательства авторства?

– Дарья Аркадьевна, флэшки может есть? С рабочими вариантами? – вмешалась Гелочка. «А тебе, голубушке, какой интерес? Странно все это» хотелось сказать Дусе. Достала коробку с дисками и флэшками, протянула Коровьеву. Махнула подбородком в сторону компьютера: включайте, смотрите.

– Нет, зачем же, – засуетился Коровьев. У меня свой ноутбук, при себе всегда. Галочка придвинула чашки со свежим чаем Дусе и Михаилу, а Коровьеву поднесла и поставила рядом с компьютером. И опять Дусе показалось, что эти двое – вместе. Вовсе не с Лешкой приехала эта Галина. Круто хозяйничала эта парочка на уютной кухне-столовой Дуси. Коровьев – Сергей Семенович Волков оккупировал компьютерный стол, сдвинул клавиатуру на угол, свой нахально-дорогой ноутбук разложил просторно и вольготно. Весь ушел в экран. Щелкал клавишами, перебирал флэшки и диски.

Гела достала вторую партию пирожков из духовки и стала убирать муку со стола. Дуся была лишней в собственном доме. Пора навести порядок. Это они ее сонную застали врасплох. Дуся решительно и громко отставила чашку, хотела твердо сказать – ну, что-то вроде – не пошли бы Вы, господа, и не подождали бы где-нибудь моего приглашения – но с нечесаной головой как-то... ну, не то было. Ох, все это не просто так, все это пахло чем-то странным, хорошо срежиссированным кино по чужому, добротному сценарию. У Дуси был хороший жизненный опыт – чтобы сломать чужую игру, надо сделать что-то неожиданное, идущее в разрез с текущими событиями.

Поэтому встала, и совершенно не обращая внимания на странных гостей, пошла умываться и чистить зубы. Спокойно уложила волосы, полилась лаком и привела себя в порядок. Вышла из спальни минут через сорок. Теперь вся компания, включая проснувшегося Лешку, сидела на кухне, чинно пила чай всей компанией и явно мыла кости Дусе. Потому что при ее появлении дружно замолчали. Дуся очень неспешно уселась за стол, дала пообнимать себя Лешке, и очень спокойно спросила: Что все это значит?

– Вы совершенно правы, но, не уточнив все, я просто не мог начинать разговор – засуетился Волков. – Видите ли, в нашем издательстве поменялся хозяин, и соответственно, начались кадровые перестановки. Ему нужен новый начальник отдела, и несколько ранее изданных книг в издательстве он привел как пример настоящей профессиональной работы... И пожелал найти редактора текстов и переводчика... Ну, вы понимаете, при нашей системе работы это было несколько... эээ сложно...

– Ага, – подумала Дуся, – и не только система работы у Вас по-черному, но и оплаты тоже...

А Волков продолжал, порывивал, потирая вдруг вылезшую щетину на подбородке. Потом с облегчением выдохнул и выложил на стол из портфеля тоненькую папочку с листиками – договор. На постоянную работу. На должность и с окладом... и со специальными условиями. С гонорарами... И возможностью дистанционной работы... с головным офисом в соседнем большом городе, настоящей столице юга России в 100км от Дусенькиного дома... А день за окошком уже кончался, серел. Волков уже почти скороговоркой тараторил, что после Новогодних каникул представители издательства свяжутся с ней, и обсудят детали, и что с владельцем издательства надо будет лично встретиться.

– Интересно, а ты тогда кто? Если сотрудники издательства будут связываться со мной после праздников? – хотелось спросить Дусе. Но Волков уже быстро-быстро одевал странную одежду – что-то вроде овчинного тулупа. И торопился, торопился...

Дуся встала, провожая странного гостя.

– Нет-нет, вы не провожайте меня, за мной сейчас подъедут, они меня уже давно ждут! – остановил Сергей Семенович Дусю. Галочка-Гелочка, поблескивая зелеными глазами, нарасспросила:

– А меня не захватите с собой? Мне срочно надо вернуться... И не дожидаясь ответа, изпод курток братьев на вешалке прихожей стала вытаскивать модную короткую курточку ослепительно бирюзового цвета, с белой опушкой и сверкающей вышивкой стразами. Откуда ни возьмись, на рыжих волосах и шапочка с опушкой появилась, с такой же вышивкой.

Ну, Снегурочка просто, мелькнуло у Дуси в голове. Да, хороша подружка у Лешки. Сбегают с Волковым! А Лешка, как ни в чем ни бывало, улыбался и протягивал сумочку-мешочек своей подружке. Волков рывкнул на девушку, что если она с ним – то чтобы быстро, что Дед уже психует, что и так он целый день потерял. Хлопнула дверь, и осталась Дуся наконец одна,

со своими сыновьями, на родной и привычной кухне. На столе горой пирожки, под салфеткой пирог, две салатницы с какими-то салатами, и тарелочки с немислимой вкусотищей. А над всем – ваза на ножке с мандаринами. Новый Год, как-никак. И вдруг сердце у Дуси ухнуло гулко-гулко, и упало куда-то... Ноги тяжелые, не идут... Мысль, странная, дикая, невозможная – как догадка и озарение накатила.

– 3-

В одних тапках выскочила Дуся во двор, на снег, в призрачных сумерках хотела догнать и спросить – но о чем спросить? – своих гостей. Уголкем глаза успела схватить – сани на снегу, Волков в таком теперь уместном тулупе, и посерьезневшая и побледневшая Галочка рядом.

– Скорее, скорее, Дед уже недоволен, опаздываем, и так с этим подарком сколько провозились. Но хоть ладно, нашли, шесть лет искали, но нашли, вручили – ворчал Волков, помогая Галочке сесть в сани. И – все, нет их, растворились в сумерках, на пустынной улице. Вроде бы сани вещь вполне возможная в такой день. Вон сколько фирм с поздравительными услугами развелось – не только сани, а живого медведя притащат... Или волка... Но Дуся знала – это другие сани.

Нет санок, укатили. Пусто и тихо на улице. Только окошки домов светятся подмигиванием гирлянд и экранами телевизоров. Праздник. Вернулась в дом Дуся тихая и серьезная.

– Ребят, вы где такую подружку нашли?

– А, мусь, на дороге голосовала, просила подвезти, она к деду автостопом добиралась. Потом Лешка уговорил к нам на чай. А она сказала, что за нами – хоть на Северный Полюс, пока ехали – вот как-то все шутили и шутили, до самого дома дошутились – похохатывая, басил Мишка.

– А что, хозяйственная девица, и расторопная. Зря, наверное, отпустили.. – жевал пирожки Лешка.

– Ребята, это снегурочка была. А с ней этот, Волков, – он.. Дуся запнулась – не было слов объяснить то, что понимала и чувствовала, но сказать это, произнести вслух – было невозможно, немисливо, недопустимо!

Сыновья смотрели на нее с сочувствием – тронулась мать умом, точно! Лешка так и остался с пирогом в зубах. Потом оба, одновременно, как всю жизнь это делали, обняли мать с двух сторон. Мишка говорил, а Лешка только угукал в знак согласия.

– Мать, сколько говорили мы тебе – отдыхать надо! Доработалась до снегурочек. Все, конец. Путевка у нас в Карловы Вары на Новогодние каникулы, так что собирайся. Мы тебе и Дед Мороз, и Снегурочка, и Серый Волк. После «серого волка» сын ошарашено замолчал. Шарики крутились у него в голове с такой скоростью, что было слышно на всю кухню.

Наступал Новый год. И Дуся встречала его в самой лучшей на свете компании.

Хроники Свободного Человека

Избыток свободы, будь то в государстве или личности, ведет только к избытку рабства.

Платон

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я – дрянь. Я лицемерю наедине с собой. Лицемерю на скамейке сквера, где пытаюсь спать. Я лгу, бесконечно лгу даже себе. Слезы жалости выжигают глаза и застывают на щеках. Какая жалость? Теперь-то к чему фарисействовать? Я хлопнул дверью потому, что мне надоело. Надоело слушать, что я есть. А я и правда есть именно Это. Да, я не хочу, как говорит Она, «работать» и «нормально жить». Я хочу потягивать пиво, сидеть в облаке сиреневого дыма и бряцать по клавье, выбивая из старушки искрящиеся, живые, настоящие слова.

Я хочу уйти утром из дома, встретить случайную компанию и трое суток провести в чаду, угаре разговоров и алкоголя. Когда все устанут, и от бессонницы голова начинает кружиться сильнее, чем от травки, наступает момент чистейшей правды. Я получаю двойной кайф: от слов, которые рождаются внутри, и от того, что компания боготворит меня. Правда, не долго, но мне и не надо долго. Потому, что они мне тоже не нужны, их я тоже использую.

Я – дрянь. Я бросаю моих вчерашних друзей и иду домой. Слава те, Господи, Она ушла на работу. Детей тоже нет дома. Душ, котлеты, кефир. Чистый тонкий шерстяной свитер. Компьютер. Я пишу, пишу, все, что украл, что подслушал, что принес. Это тоже запой. Этот запой еще круче, чем обычный запой алкоголика.

Но я – лицемер. И во время скандала (обычного, повседневного, все ее упреки я вызубрил наизубок, как и она – мои ответы), пытался сделать вид, что она меня достала, заела, что именно она причина, начало и конец всех неудач. Что я вынужден уйти из дома. В ночь, холод, без денег. А она, сытая и благополучная, сожравшая меня, осталась дома. Брехня. Я ушел потому, что САМ хотел этого. Меня давят дверные косяки квартиры, я не переношу разделения суток на день и ночь и необходимости «жить как все».

Вспоминаю Набокова: Гумберт страшно мучился от своей асоциальной, порочной страсти. Подонкам легче – они избавлены от этих мучений. Похоже, я дрянь, но не подонок – мне было мучительно, невозможно жить, каждый день понимая, что я живу «плохо», не умея себя изменить. Единственная возможность для меня избавиться от этих ежедневных пыток – уйти из привычной системы отсчета. Да, Гумберту было хуже. Ему было недостаточно уйти из рамок обыденности. Ему надо было прихватить с собой еще и нимфеточку лет 10—11.

Господи, вот оно счастье – в кармане случайная пара сотен (я ничего не взял с собой, даже сотовый). Две бутылки водки (дешевой) и хлеб. Мне плохо до такой степени, что уже не страшно, что будет дальше. Что бы не было – я так устал, я так устал!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Спать на скамейке в сквере невозможно. Ночью сорвал замок с подвала нашего дома и спал на теплых трубах. Вернее, пытался спать. Во-первых, я понимал, что надо будет уйти рано утром. Во-вторых, странная мысль преследовала меня: какая привязь держит именно возле дома? Я привязан, я не свободен? Почему опять и опять возвращаюсь мыслями туда, ведь там было тесно? Ухожу из теплого подвала затемно. Денег нет, медленно иду утренними улицами до вокзала. Утро, какое утро! Мне, почему-то, вдруг, становится так легко! Если бы еще не хотелось жрать.

Можно пойти к друзьям, знакомым. Но я знаю, что будет: будут разговоры, практически те же, что с Ней. Но пожать и отдохнуть надо.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Я понял, что вливаться в вокзальную мафию бомжей я не хочу и не буду. Они, не знаю как, но как-то вычислили меня. Накормили и напоили, объяснили, ПО КАКИМ ПРАВИЛАМ надо будет жить, и ЧТО надо будет делать. Рамки у них еще жестче, чем в моей бывшей жизни. Ловлю себя на слове «бывшей». За три дня – бывшая?

ДЕНЬ СОРОК ВОСЬМОЙ

Месяц живу у тетеньки. Она утром оставляет мне 50 рублей на сигареты. Вечером приносит пельмени и дешевые котлеты. Мы все это запиваем пивом, потом я ее сплю. Утром она уходит на работу, а я брожу целыми днями по городу. Ищу место. Тетенька прозрачно намекает, что договорилась на счет хорошей работы для меня. Не то шпалоукладчиком, не то гай-косортировщиком.

Я опять начал писать. Компьютера нет, я пишу в общей тетради.

ДЕНЬ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ.

В моих бесконечных скитаниях нашел бойлерную. Пару раз переночевал там, нормальные мужики попались. Тетенька начала скулить, потом злобно тявкать, намекая, что я тунеядец. Это я то? Я каждую ночь честно отрабатывал ее пельмени с пивом.

Вчера, когда она ушла на работу, взял полотенце, подушку и плед. Еще – пару ложек, железную миску, зубную пасту. У меня уже был какой-то опыт, я знал, что мне надо. Взял самую лучшую сумку и сложил в нее добро. Нет, я не воровал. Я взял именно то, что мне было необходимо. Мне это было надо, и я взял.

Бойлерная всем хороша, но только рано утром оттуда надо уходить. Скорее бы тепло. Уйду на пляж. Понял! Эти два месяца пытаюсь жить по принципу: свободнее, еще свободнее, совсем свободный!

ДЕВЯНОСТЫЙ ДЕНЬ

Первая весна в моей жизни? По силе и остроте ощущений – да, первая! Влажный, теплый воздух. Дождь, первый весенний дождь. Пахнет асфальтом и крышами. Надо стать бомжом, чтобы узнать, что крыши весной пахнут. Вчера встретил знакомого. Оказывается, меня ВСЕ ищут. Она тоже. Если бы я пытался спрятаться, не вышло бы лучше. Мы пошли к нему домой, (семья куда-то уехала на пару дней). Ванная. Две курсовых работы, сутки времени, комп. Урвал свои тысячи и ушел в запой. Пил со слесарями в моем убежище, продолжил в парке с какими-то мужиками, потом к нам присоединились студенты.

У парней ноутбуки. Хорошая штука USB. Кое-что показал ребятам, как можно сшибить деньги на бирже контента. Пацаны смотрят, открыв рот. Весна, сессия. Хожу в интернет кафе, просиживаю по 7—8 часов, пишу студиям за деньги. Они меня передают из рук в руки. Надоело. Купил очень дешевую легкую куртку, джинсы и кроссовки. ОНА любила дорогие вещи. Тонкие кашемировые свитера от Zilli.

У меня взаимная нелюбовь. Я не люблю людей, люди не любят меня. Вчера мои студенты приперли ноутбук в бойлерную ночью. Я пил весь день, работать не то чтобы не хотел – не мог. Ребята сбегали за кофе, таблетками, вставили спички в глаза и заставили писать семь (!) рефератов. За срочность – двойной тариф. Мои слесарюги теперь смотрят на меня волком: они чувствуют себя обманутыми. На их взгляд, я получил деньги (их месячную зарплату) ни за что. Это – классовая вражда? Странно, пока я сдавал бутылки на буханку хлеба и чекушку – они кормили меня вареной картошкой, домашними котлетами и солеными огурцами, СОЧУСТВОВАЛИ. Сейчас злобно затаились. Отсюда надо уходить.

СТО ДВАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Прожил почти месяц с очаровательной нимфоманкой. Ей тоже сделал пару рефератов. Она привела меня к себе. То, что сейчас называют студией: огромная комната с большим

окном, одновременно прихожая, кухня и спальня. У девицы светло-серые, почти серебристые глаза с бирюзовым отливом. Угольно-черные ресницы и вишневые губы. Прямые, каштановые волосы. Фигура Софи Лорен. Скачки верхом на мне она методично чередовала с какими-то немыслимыми вывертами. Из камасутры, что ли? Я не кончал, долго – был полупьян. Кажется, и не кончил. Дева напрыгалась и пошла в ванную.

Мне было пусто и грустно: решил, что таким образом девица расплатилась за рефераты. А мне безумно хотелось – не выпить, а как следует напиться. Я алкал денег и хорошей компании. За хорошую водку мои слесари соглашались спрятать на целую ночь свою классовую непримиримость.

Дева вышла из ванной, голышом ходила по студии и собирала разбросанные шмотки. Нашла свою сумку и достала несколько бумажек. Сказала, чтобы заходил. Через три дня деньги кончились, и я перешел жить к ней.

Сегодня утром я проснулся от ЕЕ взгляда. Она стояла в длинном халате с запахом, на поясе. Очень бледная, с яркими серыми глазами. Губы, намазанные серебристо-сиреновой помадой, кривились от гнева и презрения. Это было в той, той комнате, в том доме и той жизни. Я встал с моего любимого дивана, пошел прямо на нее. Она продолжала что-то говорить, но я ее не слышал (или не хотел слышать?). Прижатая к стенке, она отворачивала лицо от моих губ, ее рот продолжал кривиться в нервном и злобном оскале, в глазах блестели злые, непролитые слезы беспомощности. Но тело жило отдельно от глаз и злобных слов. Оно плавилось в моих руках, она повисла на мне, двигалась со мной в такт. Я проснулся второй раз за утро, теперь по-настоящему. От ее стоны сквозь стиснутые зубы во сне. Было шесть утра.

Моя нимфоманочка мирно посапывала рядом. Постарался почти бесшумно одеться, тихонько захлопнул дверь, дошел до ближайшего таксофона и набрал номер, который был не в памяти, он был в пальцах, в крови, в биении сердца. Через семь гудков услышал хриплое, сонное «Алле» и положил трубку.

СТО ШЕСТИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Неделю провалялся на пляже, когда ушел от сереброглазой любительницы камасутры. Потом, когда окончательно оголодал и оброс, сходил в бойлерную за своим скарбом. Опять собирал бутылки, опять пытался писать. Плюс: летом долго светло. Сделал шалаш, накрыл его пленкой. Начался купальный сезон, стало шумно, весело, ярко и жарко.

Грустный, старый бомж никому не интересен. Поэтому я – веселый, молодой Диоген. Даже когда мне не хочется быть Диогеном, жрать то хочется. Желания поделиться шашлыком и пивом убогие не вызывают. Поэтому я – весь из себя, окутанный романтической аурой и прикрытый флером тайны. Да, я могу завести и развести любую компанию. Когда мне все это остофигевает, я ухожу в шалаш.

Я тщательно оберегаю его, но пляжные завсегдатаи засекли мои координаты. Ко мне наведываются местные продавщицы из ларька и странные, с виду вполне нормальные, молодые девахи из отдыхающих. Я понял, ЧТО их так привлекает: со мной не надо стесняться, меня – нет, я – живой фаллоимитатор. Мне не обидно. Они для меня тоже почти куклы.

Хотя – нет. Пришла одна дуреха, совсем уже непонятная, мутная какая-то. Оказалось, переживает: застучала мужа с матерью подруги. Проговорили до утра, о мужской сексуальности и про жизнь. Выпили все мои запасы из горла. Хотя упаковка пластиковых стаканчиков лежала в углу. Антураж, мать ее. Расстались, как брат с сестрой. Она прибежала еще пару

раз – с жареной курицей, полотенцами, носками и братским сексом на скорую руку. Хорошая девочка.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ ДЕНЬ

Встретил своих знакомых ребят, студийщиков, которым писал весной курсовые, и с которыми мы пили в парке. Вернее, не встретил – они нашли меня. Кой-какие мои идеи, оказывается, дали мощные ростки в их буйных головах. Ребятки раскручивают проект, я им нужен. Обговорили рабочие моменты: они мне притащат компьютерный металлолом, оплачивают безлимитку. Ставят это чудо техники прошлого века в дрянной комнатке, в малосемейке.

Думаю. Я вообще много думаю – мне не надо отвлекаться на склоки с Ней и не надо тратить силы на попытки жить в ладу с совестью. Свободы нет. За безумное счастье жить по своим правилам, и при этом не слушать, ЧТО я есть – я плачу. Только дураки говорят (а дураки им верят), что грязные, слипшиеся волосы можно промыть в холодной речной воде. Увы, без шампуня, мыла, станка и дезодоранта жить невозможно. Но это такие мелочи по сравнению с тем, что мне не надо слышать ежедневно, что я УРОД. И мучиться, бесконечно мучиться от сознания собственного уродства и непоправимости этого.

Я счастлив, я впервые за столько лет счастлив!

СТО СЕМИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Я почти согласился на предложение ребят. Почти – потому, что после суток в малосемейке опять ушел на пляж. Через двое вернулся. Пляжный сезон кончается, вместе с ним подходит к концу моя пляжно-диогеновая фиеста. Тогда перейду под крышу окончательно.

Мне нужна теплая одежда, и я решил по-быстрому сделать денег. Пишу эротику, нет, порно. Черт, черт, черт! Если пишу ПРОСТО, то получается белый экран, на котором напечатаны слова: название гениталий и перечисление действий. Надо пропускать через себя эту хрень, только тогда получаются «заводящие» тексты. Устаю от часа такой работы больше, чем от суток, когда пишу сам для себя. Кстати, не пора ли выкладывать все, что было написано в моих тетрадках за это время?

СТО ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ

Мне нужен паспорт. Я позвонил ей. Она принесла его в сквер, недалеко от места ее работы. Эту курточку и короткую юбку я не видел на ней. Она не лучше, и не хуже, чем была.

– Нашел, кто будет покупать тебе пиво и миксы? Рада за тебя.

– Могла бы спросить, как я. Как я: не сдох, не замерз, не был убит в драке бомжами.

– А ты бы мог спросить, как твои дети! А твоя жизнь – это твой выбор.

– У детей есть хорошая мать, крыша над головой. У них все о’к, в отличие от меня.

К тому же, ты сто раз говорила, что лучше вообще никакого отца, чем такой.

У нее кривятся губы (как в том сне), ее бьет крупный тремор. Она не может больше сказать ни слова. Резко, очень резко разворачивается и почти убегает на высоченных каблуках.

Не, я определенно стал добрее с тех пор, как сбежал из клетки. Я уже не обвиняю ее в том, что моя любовь к одной женщине не дала мне счастья. Это просто данность, и не она в ответе за это.

ДЕНЬ ДВЕСТИ...

Мы потихоньку раскручиваем с ребятами наш бизнес. Я иногда ухожу в запой (алкогольные, литературные, сексуальные) – но ребята терпят. Пока терпят. Иногда подрабатываю в «тырнете»: взрываю форумы или пишу эротику. И начинаю ощущать, что эта СВОБОДА меня тоже пытается душить, загнать в рамки. Я продолжаю жить так потому, что знаю: другой свободы просто нет, или я пока ее не знаю. Бомж в люке теплотрассы один из самых подне-

вольных людей на свете. Он безобразно зависит от своих замерших ног, отмороженных ушей, пустого желудка.

Единственный известный мне выход внушает страх. Нет, не потому, что я боюсь смерти. Я боюсь, что и там не смогу избавиться от обязанностей, условностей, долгов и мук совести. А помноженное на непоправимость – это уже будет слишком.

P.S. Вчера, не знаю почему, вдруг вспомнил старшую дочь. Первый раз за эти семь месяцев.

P.P.S. Мне кажется, я почти понял что-то. Но оно без конца ускользает от меня...

Побег

– 1-

Из затуманенного зеркала в ванной на меня смотрело розовое, толстошее нечто с глуповатым взглядом. Я протерла уголком полотенца запотевшее стекло. Не, не глуповатый взгляд, а... просто какой-то щенячий, молодой, что ли...

Вытерла голову желтой, пушистой банной простыней. Волосы, почти сухие, рыжеватыми колечками легли на лоб и вокруг щек. Вот что делают кондиционеры и шампуни нынешние: на старости лет обзавелась рыжеватыми локонами.

Надо было выходить из ванной. Но мне так не хотелось. Там, дома, был муж. И сын. Два чужих человека, даже еще хуже, чем чужих. Чужие так не могут обидеть. С ними надо было разговаривать, а я не хотела. Не могла. У них своя правда, у меня своя. Они никогда не соглашались со мной, а я с ними. Я не уверена в своем праве навязывать им свои принципы. Не хочу скандалов. Значит, надо молчать. А как? Если взрослый парень, на восемнадцатом году, ходит отсиживать в школе 3—5 часов, потом дома гоняет 4—5 часов каких-то гоблинов на компе, потом на скутере «проветривается», после чего заваливается спать, оставив на полу ванной ручьи? И так изо дня в день? Я вздохнула и толкнула дверь. Выходить надо, не спрячешься.

– Ма, мне надо завтра в школе сдать 500 рэ на охрану.

– Сереж, мы же уже сдавали?

– Не, это было на ремонт коридоров. И еще мне надо двести рэ на методички ЕГЭ по русскому. Да, еще триста – Лариске.

Да, еще 300 – Лариске. Ларисе Анатольевне. Это наш репетитор по математике. И еще у нас репетитор по русскому. И по физике. Странная система обучения нынче в 11-м классе. Занятий в школе практически нет, и здоровенные обалдуи маются от безделья. Зато ходят на платные уроки к своим же педагогам. Достāju тысячу из кошелька и отдаю сыну. Остается три. Черт, до пенсии еще неделя. Нет, я не старая. То есть, конечно, уже не молодая, но я не на обычной пенсии, по возрасту. А по инвалидности. У меня вторая группа.

– Слу, Санек, завтра в «Лидере» в двенадцать все встречаемся – говорит сын в свой сотовый, на ходу закрывая дверь перед моим носом. «Лидер» – это компьютерный клуб. Сын там с друзьями играет в стрелялки. Зайти к нему и сказать, что он вымогает с меня последние деньги на игровой клуб? Бессмысленно. Сначала он докажет, что я не права. Потом – что я скандалистка и заедаю ему жизнь.

– Что тебе от меня надо? Что ты орешь? – он будет говорить это таким ужасным, грубым, чужим голосом, что мне станет невыносимо больно. Так больно, что я готова сделать что угодно, лишь бы прекратить эту боль. Хорошо, что мы живем не в многоэтажке. Открытое окно парадного на пятом этаже было бы страшным искушением.

Я иду в спальню. Муж давно лежит с газетой и ждет меня. Нет, Господи, нет, только не это! Порцию орального или анального секса на сегодняшний вечер я просто не переживу. А обычного секса у нас нет очень давно. У меня полностью разрушены тазобедренные суставы,

коксоартроз. Хотя – это только отговорка. Нормальным сексом он и раньше не любил заниматься. О чем это я? Почему я считаю себя вправе устанавливать, что есть норма, а что – нет? Но я точно знаю: я вправе не делать то, чего не хочу. Я не буду этого делать. Я давно этого не делала, и никогда не хотела этого делать. Выпиваю порцию сильного обезболивающего (боль в позвоночнике невыносима, мне приходится выпивать тройную дозу) и сажусь за швейную машинку. Она у меня умница, с компьютерным управлением, я скачиваю обалденные вышивки с интернета, моя машинка может ТАКОЕ! Я шью свадебные платья. Мне, опять, придется сидеть всю ночь. Надо брать еще один заказ. Мы не доживаем до пенсии и зарплаты мужа.

– 2-

Смотрюсь утром в зеркало. У меня бледное, отечное лицо, и прослеживается какая-то неестественная, не то глуповатость, не то молоджавость. А волосы, действительно, странного рыжеватого оттенка. Мне вчера не показалось. Да еще стали слегка виться! Вздыхаю – моя затворническая жизнь в четырех стенах жесткими пальцами мнет меня, как пластилин. Уже себя не узнаю. Мне сегодня к врачу, визит отложить нельзя. Без ежегодных перекомиссий у меня снимут пенсию. Надо только дождаться заказчицу.

– Света, вы прелесть! – с придыханием говорит мне роскошная женщина в изумрудно-зеленом, однотонном и блестящем платье. Я страшно горда: это в моем платье она безумно хороша!

– Держите денежку – она протягивает мне свернутые купюры и скользит по мне взглядом. Да, я – еще та картинка. Халат, голые ноги, тапки.

– Света, а почему вы себе не шьете? – задумчиво тянет красавица.

Да, а почему я не шью себе? На секунду замираю. Во-первых, куда мне ходить? Во-вторых, на себя вечно нет времени. И, в-третьих, я никогда не шью из дешевой ткани. И себе не буду. А денег на дорогую для себя не хватает.

Пока я провожаю клиентку, погода резко портится и начинается дождь. Черт, черт, черт! У меня нет колготок. Летом они мне не нужны, а осень, как водится, наступает внезапно. Черт. К врачу без колготок нельзя. Ищу в шкафу осенние туфли. Закусываю губу, чтобы не плакать. Совсем забыла – весной я их выбросила, развалились. Одеваю шлепки, натягиваю брюки и шкандыляю на костылях в магазин. Дома я могу без костылей, дома везде есть опоры. Но на улицу – только с костылями. Мучительно больно, я еле доползаю. Можно вызвать такси, но мне тяжело садиться, я же не могу согнуться. Больно, больно. Больно. Денег за платье мне хватит на самые дешевые туфли. И на колготки.

Вечером сын говорит, что у него:

1. Полетел карбюратор на скутере (250 руб.)
2. Они с классом едут на осенних каникулах в Питер (пять тысяч)
3. Ему нужны новые джинсы и куртка (пять тысяч)
4. Кроссовки, купленные к первому сентября, порвались. Три тысячи.

Куртка и джинсы нужны, кроссовки порвались, это правда. Я уже привыкла ложиться под утро.

– 3-

– Света, ты где? – странно, муж кричит прямо за моей спиной, будто не видит меня. – Я здесь – поворачиваюсь к нему лицом и вижу его ошарашенный взгляд. Я стою в очереди в кассу, он подкатывает ко мне корзинку на колесиках.

– Я тебя не узнал, представляешь?

Мы с ним в маркете. У меня ремиссия. Иногда, ни с того, ни с сего, боль отпускает. Не совсем, не до конца, но я могу ходить по улице без костыля, меня надо только поддерживать под локоть. Сто лет не было такого. Я уже думала, что окошек облегчения не будет. И вдруг... Я понимаю, почему он не узнал: так давно не видел меня вот так, со стороны, что забыл, как я выгляжу вне дома.

– 4-

Если потереть лист ореха, он благоухает лимоном, перечной мятой, и чем-то еще, заморским и чудесным. Но сейчас ноябрь. Последние листья уже почти не имеют запаха. Я думаю, что моя жизнь, залитая до краев холодным великолепием золотого осеннего солнца, тоже отдает только слабым запахом сырости и прелой листвы. И нет в ней аромата: чудесного, пряного. И уже не будет.

– Мам, пошли домой, – говорит мне сын. Он неслышно подошел и плюхнулся рядом на скамейку. И как он нашел меня здесь, в парке? Удивительно. Он всегда умудряется меня отыскать, куда бы я не ушла.

Я мало работаю: заказов почти нет. Целыми днями шатаюсь по пустым, прохладным, золотистым улицам. На резиновую нашлапку костыля налипают неопрятной стопкой листья. Я хожу по пустому парку, раскидываю костылем кучки листвы под тополями и нахожу грибы. Нагибаться не могу, но мне приятно думать, что эти, коричневенькие крепышки, теперь на виду, их кто-то увидит и сорвет. Раньше осень у меня была самая рабочая пора: сплошные свадьбы, а я шью свадебные платья лучше всех на свете. Но эти провинциальные идиотки придумали, что мои роскошные туалеты приносят неудачу. Что невесты, одетые мною, через полгода разводятся, их преследуют измены, разлуки и прочая-прочая.

Дурынды. Это нормально. Не-любовь, измена и разлука. Разве в жизни есть что-нибудь, кроме этого? Все логично: умопомрачительная красота невест, звездный омут ожидания счастья и серая безысходность потом. Это реалии жизни, а вовсе не мои платья! Я тоже любила мужа и была очень красивой. Я знала, что нравлюсь ему (но не больше), и что у него было прошлое, которое выжгло его душу. А может, я это придумала? Может, его душа всегда была пуста и бесплодна, там нечему было выгорать? Поэтому его бросили две жены? Я его не бросила. Даже тогда, когда поняла: никогда в его глазах не увижу даже отблеска огня, даже слабого отражения моего неистового пожара!

И почему все думают, что у этих молодых, красивых невест должно быть как-то иначе, чем было у меня?

– Мам, пойдем. Я помогу тебе. – Сын поднимает меня со скамейки, и мы шкандыляем домой. Да, надо поторопиться: сегодня у меня одна из немногих оставшихся клиенток забирает платье. Сын зря держит меня – я бы докарабкалась сама. Ремиссия продолжается.

– 5-

Что, что со мной происходит? Три часа ночи. Трясущимися руками капаю корвалол, потом срываю пробку и лью струйкой в рюмку вонючую жидкость. Зубы стучат о тонкое стекло, мне страшно, что колючие осколки вонзятся в мягкий и беззащитный язык. Опираюсь на край раковины (иначе упаду, ноги ватные, не держат!). Смотрю в зеркало, но оно плоское, не пускает меня в свою глубину. А с этой, непрозрачной плоскости, смотрит на меня чужое лицо; тоже плоское, ненастоящее. С синими, почти черными тенями под глазами.

Меня разбудил кошмар: я лежу в своей постели, здесь и сейчас, в реальном течении времени. Но я – длинный, худой, лысый мужчина. Кстати, как поняла, что мужчина? Ведь анатомические подробности в этом кошмаре не присутствовали. Интересно, мужчины с их архитектурными излишествами гениталий как-то их ощущают? Я не ощущала ничего. Просто знала – я мужчина. И мне это очень, очень не понравилось, я не хотела быть мужчиной, и проснулась. Или очнулась? От чего? От примерки? Я примеряю на себя? Но что, что примеряю?!

– 6 –

Сын что-то чувствует, он не просто так не спускает с меня глаз. Он смотрит на меня, как будто давным-давно все знает. Как смотрит врач на больного: выжидающим взглядом. Вот поднялась температура. Вот тело сотрясает озноб, вот холодная испарина покрыла лоб: да, болезнь ведет себя так, как он и предполагал. Последние секунды тяжелыми каплями уходящей жизни падают в никуда. И он точно знает, сколько их еще осталось.

Мне бы тоже не помешало это знание.

Моя любимая клиентка, «генеральша», как я ее называю, заказала теплый костюм из алого кашемира. На самом деле она генеральская дочь. Очень тонкая, неправдоподобно изящная, шить для нее – счастье. Я испытываю очень странные чувства к ней. Она почти моя ровесница, но выглядит моложе. Хотя мы с ней неуловимо похожи. Особенно сейчас, когда я катастрофически теряю вес, а волосы порыжели и начали виться. Мы как сестры. Но это заметно только мне. Благополучная жизнь и уверенность в своем праве на все делают ее совершенно особенной. Никому не придет в голову поставить нас рядом.

У нее красный Феррари, она заведует областным ЗАГСом, она сама – генерал в нашем южном небольшом городе. Сколько раз она сама себя расписывала с вальяжными, сановитыми представителями чиновно-бизнесменного бомонда? Не знаю, много. Ровно столько, сколько раз потом сама же разводила. В ее тонких пальцах, унизанных брильянтами, доставшихся ей от мамы-генеральши и бабушки-мамы-генерала нити странных тайн. Она – не просто власть. И не просто состоятельная женщина, живущая в старом особняке, построенном ее отцом. Вернее, солдатами ее отца.

Ее побаиваются, о ней сплетничают, ей завидуют. Поговаривают, что начальник милиции несколько лет назад застрелился именно из-за нее. Чего там было больше, в той мутной истории: отчаявшейся страсти или странных, запутанных интриг, поставивших его в безысходный тупик? Никто не знает. Она цинична, она роскошна, она упоительна, она полна тайн. Она каждый год отдыхает на Тенерифе, а потом рассказывает мне, что любит это место из-за черного песка на пляжах. Еще она приносит кипы журналов с картинками нарядных домов, увитых плющом; ей более, чем по карману цены на недвижимость Чехии. Она может купить небольшое шале в любом уголке Европы, но, почему-то, Генеральша снова и снова рассматривает картинки Карловых Вар.

Все думают, что наряды, в которых она щеголяет, куплены в дорогих европейских бутиках. Нет, оттуда она привозит лишь ткани и безделушки. Еще она привозит кассеты с показов. Мы с ней часами смотрим на длинных и тощих моделей, которые вихляющей походкой отмеривают километры на подиумах. Мы с ней обе знаем Главную Тайну: красота – это не зубы, волосы и ноги. Это нечто другое, невидимое, оно внутри. Это Нечто подсвечивает глаза, мягким сиянием омывает лоб, заставляет двигаться тело с невероятной, нечеловеческой грацией. И еще мы с ней обе знаем, что у нее есть это Нечто.

За что ей так много? Мне кажется, что если бы я обладала сотой частью ее богатств, я бы любила весь мир. А сейчас у меня отнимают даже то, что принадлежит мне по праву: я не смею раскрывать ее тайны, я не смею сказать, что ее наряды делаю я, я, Я!

– 7 –

Сегодня ночью я опять проснулась (очнулась?) от привычного кошмара. Они вымотали меня, эти кошмары. Я похудела и стала похожа на тень. Постоянное ощущение боли и чувство, что тело стремится вырваться само из себя, каждой своей частичкой. Еще один бесконечный сон, который преследует каждую ночь: я продираюсь сквозь колючие, сухие кусты, они рвут кожу. Почему-то заросли сухих колючек находятся под водой, в мутной глубине. Мне не хватает воздуха, я глотаю соленую, как кровь, воду, и стремлюсь вверх: к свету и воздуху. Но снова и снова треск сухих колючек, вонзающихся в мягкую плоть.

Ноги и руки трясутся, в ушах звон, я уже ничего не понимаю. Вчера я с трудом дошла костюм Генеральши. Понимаю – это моя последняя работа. Наверное, я скоро умру. Я не хочу идти к врачам – зачем? От чего они будут меня лечить? Единственное, от чего я хочу излечиться – от моей жизни.

Сегодня утром я не смогла встать. Муж даже почти заметил меня, и сказал, чтобы вызвала врача. Предупредил сына, чтобы остался дома; пообещал вернуться раньше. Наверное, уже готовится к похоронам? Почему, почему он даже не пытается сражаться за меня? Я, наверное, захотела бы жить тогда...

Генеральша должна придти в три часа дня. Муж в половине четвертого. Что делают мои руки? Они надевают на меня костюм Генеральши. Холодные, слабые пальцы сжимают расческу и зачесывают волосы как у нее. Я стою за ширмой, и слышу, как сын впускает мою клиентку. Отзываюсь из-за ширмы, она отвечает веселым и звонким голосом, который отдается эхом под потолком, рассыпается на отдельные звуки, не оставляя смысла. Я слышу, как она расстегивает замок на джинсах, как шуршит снимаемая одежда, слышу ее раздраженные интонации и начинаю понимать смысл слов:

– Светик, неси костюм, ау! Я готова!

Я тоже готова. Выхожу в ее костюме и смотрю в ее – или свои глаза? Она ничего не понимает, брови ползут вверх, руки тянутся ко мне.

– Иди, иди скорее, я держу ее! – это мой сын? Что он здесь делает?

Он протягивает мне ключ от Феррари. Да, это правильно. В другой руке у него пакет, из которого торчит скомканная одежда Генералыши. А это еще зачем? Беру автоматически, но понимаю – это, зачем-то, очень-очень надо. Бегу на своих-чужих ногах к двери и сталкиваюсь с мужем. Генералыша кричит, захлебываясь, за моей спиной, сын крепко держит ее за локти.

– Что с моей женой, что здесь происходит? – поздно, поздно спрашивать, что с твоей женой. Отталкиваю мужа и пулей вылетаю во двор, сажусь в машину и еду домой. Все. Вот все и закончилось. Какая пошлая фраза: «От перенесенных горя и бедствий женщина становится ведьмой». Классик зря это сказал. В жизни такого не должно быть.

ЭПИЛОГ

Эта странная, жуткая история произошла несколько лет назад. Портниха (она долго и тяжело болела до этого) внезапно сошла с ума; вдруг стала всем доказывать, что она не она, а на самом деле ее клиентка, Исмаилова Лариса Юрьевна. Портниху поместили в психушку, в отделение для буйных. Через несколько месяцев она умерла. Остался сын, почти мальчик. Надо отдать должное Ларисе Юрьевне – она не осталась безучастной. Помогала материально семье сумасшедшей портнихи, говорят, что оплатила образование парня в Европе и даже вроде как усыновила его.

Муж Светланы тоже почти помешался от горя после смерти жены; приходил под окна Исмаиловой и простаивал там часами. Подходил к ней на улице и пытался о чем-то говорить. И даже заявлял, что она его жена, что он просит простить его – вообще, нес околесицу. Ларисе Юрьевне пришлось вскоре уехать из города: слишком тягостная атмосфера там была, слишком многое напоминало о произошедшем. Впрочем, говорят, она давно хотела купить недвижимость в Чехии. То, что случилось, было лишь поводом для переезда в сытую, спокойную Европу. Что было дальше с мужем портнихи – никто не знает.

Семь котов, четыре кошки новогодний экшн

...Больше всего на свете сейчас мне хотелось бы стать последовательной дурой без претензий. Я смотрю на глиняную кошку-копилку (новогодний подарок бывшего жениха) и ужасно, ужасно хочу быть дурой! Я не хочу знать, что Виктор:

– скуп. Самым банальным образом! Кошечка стоит рублей сто пятьдесят.

– Страдает отсутствием вкуса: кошка почему-то зеленая, с тоскливой мордой.

– Никогда не любил меня; все чувства моего жениха были основаны на расчете и стремлению к покою и удобству.

– Что я, идиотка блаженная, два года сама себя обманывала и старалась не замечать, что Витечка – еще тот гусь. Мачо усушено-утрушенный, провинциал расчетливый. Хоть наш Выборг и не столица, но Виктор-то приехал вообще из Богом забытого Беломорья. Все время, пока мы встречались, он никак не мог решить, какую карьеру ему сделать: таможенника, контрабандиста или Генерала песчаных карьеров. Пока не сделал окончательный выбор: жениться на мне (вернее, на спортивном клубе моих родителей).

Эту кошку он принес вчера, 30 декабря. Я, овца, видите ли, хотела приурочить знакомство Виктора с родителями и объявление помолвки к Новому году. Приурочила.

Мама была в шоке, когда после официальной части Виктор развернул розовую, шелестящую бумагу и достал этот кошмар копилочный. Размером с откормленного британца, кило десять весом. Да еще и произнес речь, что мол, так и так, он надеется, что наши чувства и благосостояние будущей семьи... бла-бла-бла... будут накапливаться день о то дня... бла-бла... Он вручает этот символический подарок в преддверии Нового Года и грядущего семейного счастья... бла... И надеется, что родители его дорогой Ирины (мои, то есть) внесут свой вклад и сделают первый посильный взнос на будущую свадьбу. Точка. Нет, не точка. Он еще добавил, что семейное счастье должно начаться с того, что мои родители могут, наконец, отдохнуть, а он, Виктор, взвалит на свои плечи заботу об их клубе. Вот теперь точно все.

После чего мамуля молча встала и пошла одеваться в прихожую.

Большого стыда я не переживала никогда, за всю свою жизнь! Родители ушли, с Виктором я шумно и бурно выяснила отношения. Разборки закончились хлопком дверью. Хлопок дверью – это ладно, это замечательно! Ужасно было другое: стопроцентная уверенность бывшего жениха, что я, несчастная и обездоленная, буду кусать локти и стенать. В его глазах читалось торжество, снисходительная жалость и что-то еще, такое же унижительное...

Вот с таким подарочком я сидела утром тридцать первого декабря на своей кухне. Мы с кошкой смотрели в глаза друг другу уже целый час. Между нами стояла чашка с остывшим чаем, очередной ситком в новогоднем варианте что-то бормотал с маленького экрана кухонного телевизора.

– А ты меня отнеси к мусоропроводу...

Фраза героев сериала вывела меня из ступора. Точно, надо оттащить этот шедевр китча в мусоропровод. Я живу в бабушкиной квартире, доставшейся по наследству. Дом у нас очень интересный. Четырехэтажный, но на чердаке жутко зазнаистый и пижонистый владелец сети художественных салонов устроил пятый – что-то вроде пентхауса. Раньше, давным-давно, парадное было просторным. Потом, в советские времена, здесь жил какой-то большой чиновник (почему-то вдруг переехал с Крепостной на Вокзальную), по его указу установили лифт и мусоропровод. Парадное стало невозможно тесным. Лифт сто лет уже не работает, но шахту, конечно, никто не убрал и убирать не собирается.

В пустом парадном никого не было. Смотрела на меня Мурка так тоскливо, что бросать эту кособокую зеленую гадость в нутро мусоропровода мне стало жаль. Авось, кому пригодится. Я оставила кошку возле люка, на площадке, и пошла страдать дальше. И тут началось...

Первый звонок раздался минут через тридцать.

– Уберите свой склад глиняных игрушек, пройти невозможно! – кричала мне соседка-бабушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.